

В. В. Шувалов

МОРСКАЯ ПРОГРАММА ФЕМИСТОКЛА

География Греции создавала уникальные возможности для развития мореплавания и прямо подталкивала к нему народы, населявшие Эгеиду с древнейших времен. В условиях, когда сообщение между различными областями Греции затруднено горными цепями, наиболее доступным, быстрым и дешевым путем, соединявшим греческие государства, было море. Понятно, что налаживание морских коммуникаций и контроль над важнейшими из них могли принести ощутимые выгоды и во многом обеспечить решение внутренних проблем. Так что греки обратились к морскому делу с самого начала цивилизации и превзошли в этом отношении все остальные древние общества¹.

Морская политика занимала видное место в жизни многих полисов, но особенно больших успехов здесь смогли достигнуть Афины в V в. до н.э. Полностью сконцентрировав усилия на развитии морского дела, они за достаточно короткий срок сумели опередить всех в этой области.

Своеобразным итогом развития афинской морской политики стало строительство флота в 483 г. до н.э. по морской программе Фемистокла, без чего невозможно было бы создание в 478 г. I Афинского морского союза. Используя эту организацию в своих целях, афиняне к концу 40-х годов V в. превратились в самое могущественное государство Греции, почти полностью контролировавшее Восточное Средиземноморье. Господство на море предоставило Афинам также небывалые доселе возможности для интенсивного внутреннего развития.

Но всегда нужно помнить о том, что морское могущество Афин в V в. до н.э. было следствием деятельности одного из гениальнейших политиков древности – Фемистокла. В известной степени именно его морская политика стала центральным событием истории Афин классической эпохи, событием, которое задало вектор развития политики Афин, как внутренней, так и внешней. Учитывая это обстоятельство, которое не может не привлекать к себе самого пристального внимания, в настоящей статье мы намерены поставить в центр исследования главное дело Фемистокла – его морскую программу.

Традиционный взгляд на Фемистокла как на главу радикально-демократической группировки афинского общества², был подвергнут критике в 60-е годы XX в. Так, Ф. Фрост утверждает, что демократическую окраску придал Фемистоклу только Аристотель, характеристика которого была полностью усвоена Плутархом. По мнению американского исследователя, древний философ мо-

¹ Интерес ученого сообщества к теме «греки и море» в последнее время продолжает расти, см. *Griechland und das Meer. Beiträge eines Symposions in Frankfurt im Dezember 1996* / Hrsg. von E. Chrysos, D. Letsios, H.A. Richter, R. Stupperich. Möhnesee, 1999.

² См., например: *Лурье С.Я.* История Греции / Сост., автор. вступит. статьи Э.Д. Фролов. СПб., 1993. С. 249; *Lenardon R.J.* The Saga of Themistocles. L., 1978. P. 56–57.

дернизировал и упрощал политическую ситуацию начала V в., рассматривая ее сквозь призму своих умозрительных представлений о четком делении государственных деятелей на аристократов и демократов. Аргументация Ф. Фроста сводится в общем к следующему. До времени Аристотеля ни один источник не называет Фемистокла демократом, проводившим политику, направленную против господства аристократии. Сама связь преобладания флота в системе вооруженных сил с демократизацией общества стала очевидна только во второй половине V в. (ср. Ps.-Xen. Ath. pol. I. 2; Plut. Them. 19), поэтому лишь с этого времени может брать начало традиция изображения Фемистокла как демократа, чему способствовала также известная древним его антиспартанская позиция по многим вопросам³.

В этом же русле лежат рассуждения отечественного ученого И.Е. Сурикова. Он приходит к выводу о том, что содержанием внутривнутриполитической жизни Афин раннеклассического периода была борьба за власть отдельных аристократических группировок, в которой идейные убеждения не играли решающей роли⁴. Нужно заметить, что такая точка зрения была высказана еще ранее в работе К.К. Зельина, который полагал, что нельзя искать в действиях аристократов какие-то принципиальные мотивы⁵. И.Е. Суриков, впрочем, признает, что определенное различие позиций у аристократических группировок все-таки имело место, иначе было бы бессмысленно само их существование. Такое различие он видит исключительно в сфере внешней политики. В этой связи И.Е. Суриков выделяет четыре основные группы в Афинах интересующего нас времени: во-первых, явно проперсидские «друзья тиранов»; во-вторых, настроенные умеренно персофильски Алкмеониды, занимавшие в то же время антиспартанскую позицию; в-третьих, антиперсидская, но проспартанская группа, возглавляемая Мильтиадом. Фемистокл представлял четвертую группировку, враждебную как персам, так и спартамцам. Ее позицию И.Е. Суриков определяет как «опору на собственные силы»⁶.

Подробный анализ всего спектра политической жизни Афин начала V в. увел бы нас в сторону от основной задачи исследования, поэтому мы остановимся лишь на политических предпочтениях Фемистокла. В самом деле, нам не известно ни об одной строго демократической реформе, инициатором которой он был. Данные античной традиции о Фемистокле заставляют нас признать, что вся его деятельность, пока он играл первую роль в государстве, была направлена только на то, чтобы сделать Афины безусловным лидером греческого мира, т.е. выходила за рамки борьбы за ту или иную форму государственного устройства общества. Поэтому и в самом деле, мы не можем рассматривать Фемистокла как политика, принципиально придерживающегося демократической ориентации в духе Эфиальта или Перикла. Нельзя назвать его также и олигархом. Скорее всего, как мы полагаем, для его мировоззрения не имела определяющего значения проблема выбора между той или иной альтернативой внутривнутри-

³ Frost F.J. Themistocles' Place in Athenian Politics // CSCA. 1968. Vol. 1. P. 105–124.

⁴ Суриков И.Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории // ВДИ. 2001. № 2. С. 123–124.

⁵ Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М., 1964. С. 250.

⁶ Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 178; он же. Политическая борьба... С. 123–126.

тического развития Афин. Фемистокл стремился прежде всего сделать Афины гегемоном Греции⁷, не забывая и о своих личных амбициях.

Однако подчеркнем, что уже не одно столетие греки жили в условиях, когда значимость того или иного слоя граждан в жизни государства в значительной степени определялась тем местом, которое он занимал в системе вооруженных сил. Что касается экипажей военных кораблей, то они стали бы набираться в основном из фетов – беднейшего слоя афинского гражданства. Так что, вне всякого сомнения, и самому Фемистоклу, и его современникам было вполне очевидно, что преимущественная ориентация на море может привести к росту демократических тенденций в обществе. И Фемистокл, проводя в жизнь морскую программу, не мог не отдавать себе отчета в том, что она, по большому счету, имеет демократический характер. Но коль скоро, по его представлению, другого пути у Афин не было, то даже если он и не являлся убежденным демократом, ему пришлось бы стать им поневоле, тем более, что при реализации своих идей он сталкивался с оппозицией аристократии и вынужден был бороться как с отдельными ее представителями, так и, возможно, пытаться ослабить влияние самого этого слоя афинского общества в целом.

Таким образом, по нашему мнению, Фемистокл, начиная политическую карьеру, уже имел четкую программу, направленную на создание из Афин мощного государства, превосходящего все иные силы в регионе. Эту программу по праву можно назвать морской, так как инструментом для ее выполнения должен был стать сильнейший в Средиземноморье флот, который необходимо было построить. Поскольку было ясно, что реализация его идей, скорее всего, приведет к демократизации афинского общества, а значит, ему придется вести борьбу с оппозицией аристократии, Фемистокл мог стать центром притяжения антиаристократических сил, и в этом смысле его можно, хотя и с оговорками, высказанными нами выше, назвать все-таки лидером афинских демократов.

Появление Фемистокла с его идеей о трансформации Афин в морскую державу стало поистине спасением для Афинского государства. Здесь мы, вне всякого сомнения, сталкиваемся с общей проблемой влияния персонального фактора на исторический процесс. Попытка решить ее в данном контексте требует, чтобы в многообразной деятельности Фемистокла была выявлена суть, а с другой стороны, чтобы сама эта деятельность была поставлена в контекст исторических реалий раннеархаических Афин, что мы и намерены предпринять.

В 493 г. после подавления персами восстания ионийцев Афины окончательно лишились всех своих владений на севере и северо-востоке Эгеиды (Herod. V. 1–2; 26; VI. 31–33; 41). То, к чему так долго, шаг за шагом, стремилось Афинское государство, – контроль над морским путем в Причерноморье – было утрачено. Это стало тем более страшным ударом, что данный торговый путь был уже необходимым сегментом аттической экономики. В этой ситуации тем, кто видел будущее Афин в качестве наиболее экономически развитого полиса, каковым они уже в значительной степени являлись, приходилось думать о том, каким об-

⁷ И для этого в понимании Фемистокла хороши были любые средства. Согласно античной традиции, после победы в Саламинском сражении он задумал поджечь эллинский флот, чтобы Афины остались единственной морской державой Греции (Cic. De offic. 3. 49; Plut. Them. 20). Этот эпизод ярко свидетельствует о том, насколько Фемистокл был поглощен своей идеей – он был готов буквально на все ради ее воплощения; именно она была целью его жизни, а не собственно утверждение демократических принципов в Афинах.

разом вернуть утраченные позиции. Подавление Ионийского восстания показало всю военную мощь Персидского государства. Так что надеяться на постепенную эволюцию морского дела стало далее невозможно. Рассчитывать на возвращение заморских владений можно было только при условии быстрого и качественного скачка в этом процессе. Нужно было создать такой флот, который станет неодолимой силой в Эгейде, тем более что уже реальной была угроза вторжения в саму Аттику, и на повестку дня вставал вопрос о способе защиты. В Афинах в этой связи начинали понимать необходимость уделять большее внимание морской политике, чем до сих пор. Именно поэтому тогда же, в 493 г., впервые на политическую сцену выступил Фемистокл со своей морской программой.

Итак, геополитическая ситуация в Восточном Средиземноморье в начале V в. сложилась таким образом, что у афинян оставался лишь один путь для сохранения перспектив развития своего государства как одного из ведущих в греческом мире. Этот путь – форсированное создание могущественного военного флота в кратчайший, по возможности, срок. Разумеется, в те времена это далеко не было так очевидно, как теперь, спустя тысячелетия. Этим и объясняется гениальность Фемистокла, который уже тогда ясно осознал, в чем именно лежит будущность Афин, и все силы своего таланта направил на превращение родного города в морскую державу.

В начале же классической эпохи в греческом обществе господствующим оставался традиционалистский взгляд на политику, в соответствии с которым было немислимым разом порвать с привычным образом жизни и все силы государства посвятить морскому делу. Кроме того, строительство и содержание флота было чрезвычайно дорогим «удовольствием», так что если предаться ему всецело (а только в этом случае можно было всерьез рассчитывать на успех), то пришлось бы пренебречь всеми другими делами, заставив работать государственные финансы почти исключительно на флот, по крайней мере в первые годы. К тому же гарантий успеха никто дать не мог, а последствия перенесения центра тяжести политики на море одних пугали своей непредсказуемостью, а других – неизбежными переменами в социально-политической жизни не в лучшую для них сторону (об этом чуть позже). Кроме того, тогда еще не успели сказаться в полной мере все последствия перехода в руки персов афинских заморских владений.

Все эти обстоятельства привели к тому, что, хотя объективно ситуация складывалась в пользу Фемистокла, ему все же пришлось выдержать самую серьезную борьбу за реализацию своих идей. Она заняла по меньшей мере десять лет и была довольно тяжела и поначалу непредсказуема, однако ему помогли даже случайные события, сами по себе не способные оказать решающего значения на внутреннюю политику. Очевидно, уже тогда обозначился вектор развития Афинского государства, и деятельность Фемистокла объективно ускоряла движение Афин по этому пути.

Фемистокл родился в 524 г.⁸ в знатной, но не относившейся к высшей афинской аристократии семье (Her. Them. 1; Plut. Them. 1). По вполне разумному предположению Дж. Дэвиса, он принадлежал к младшей ветви рода Ликоимидов, так как был демомом не Флии, где располагалось культовое святилище рода, а

⁸ В датировке событий, связанных с биографией Фемистокла, мы придерживаемся устоявшейся в науке хронологии Р. Ленардона (*Lenardon R.J. The Chronology of Themistokles Ostracism and Exile // Historia. 1959. Bd 98. Hf 1. S. 23–48.*)

Фреария (Plut. Them. 1)⁹. К тому же его мать не была афинячкой (Nep. Them. 1; Plut. Them. 1; Athen. XIII. 37), что, впрочем, тогда большого значения иметь не могло.

На характере Фемистокла, безусловно, сказалось то, что он не был равным среди аристократов, определявших политическую жизнь Афин. Так случилось, что его более или менее близкие предки политикой не занимались. Дж. Дэвис совершенно справедливо замечает, что рассказ Плутарха (Them. 2) о том, что отец старался отвлечь молодого Фемистокла от общественной деятельности, означает, что в этой семье не было каких-либо традиций в этой области, и Фемистокл, в отсутствие такой преемственности, вынужден был самостоятельно искать пути для утверждения себя в качестве политика, опираясь исключительно на свой потенциал¹⁰.

Естественно, такое положение дел вызывало неизбежные трудности в начале его восхождения к политическим вершинам, но давало также и определенные преимущества. Личность Фемистокла была свободна от выработанных веками политических стереотипов и предпочтений, которые пришлось бы, конечно, с большим трудом преодолевать, будь он выходцем из, скажем, Алкмеонидов. У Фемистокла довольно рано, по крайней мере еще до того, как он впервые выступил в качестве общественного деятеля в 493 г., сформировалась собственная программа, которую он последовательно и настойчиво претворял в жизнь до тех пор, пока не был изгнан остракизмом в 474 г.¹¹

Начало его карьеры, скорее всего, было прямо связано с подавлением восстания ионийцев в 494 г., что, в свою очередь, влекло за собой угрозу безопасности самих Афин, бывших их союзниками. Потеря владений на северо-востоке Эгеиды теперь казалась почти неизбежной. В этой ситуации Фемистоклу впервые удалось убедить афинян в необходимости скорейшего принятия решительных мер по повышению боеспособности флота. Он был избран архонтом на 493 г. (Thuc. I. 93. 3; Dion. Hal. Antiq. VI. 34. 1)¹², как представляется, благодаря поддержке афинянами уже ставших известными идей Фемистокла. Едва ли можно согласиться с мнением И.Е. Сурикова о том, что поначалу Фемистокл примыкал к Алкмеонидам. Аргументы, к которым он прибегает, – в родном деме Фемистокла Фреарии находились родовые поместья Алкмеонидов, а его жена Архиппа происходила из дема Алопека (Plut. Them. 32), где располагалась главная резиденция Алкмеонидов¹³, – вряд ли могут быть признаны вполне убедительными. То, что Фемистокл сразу же приступил к выполнению морской программы, наводит на мысль о том, что с момента своего появления на политической сцене он неразрывно связывал свою деятельность с морем. Взгляды же Алкме-

⁹ Davies J.K. Athenian Propertied Families 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 212.

¹⁰ Ibid. P. 213. Not. 1. Ср. Суриков. Из истории... С. 178–179; он же. Политическая борьба... С. 126.

¹¹ О жизни Фемистокла после изгнания из Афин из новейших исследований см. Keaveney A. The Life and Journey of Athenian Statesman Themistocles (524–460 B.C.?) as a Refugee in Persia. Levinston–Queenston–Lampeter, 2003.

¹² Еще М.С. Куторга убедительно доказал, что архонт 493 г. и есть наш Фемистокл (Персидские войны. СПб., 1858. С. 66–74), впрочем, время от времени эта ставшая традиционной датировка подвергается сомнению (Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения / Пер. С.А. Князькова. СПб., 1910. С. 126; ср. Lenardon R.J. The Archonship of Themistokles // Historia. 1956. Bd 5. Hf 4. S. 401 ff.; idem. The Saga of Themistocles. P. 46.

¹³ Суриков И.Е. Из истории... С. 179; он же. Политическая борьба... С. 126.

онидов совершенно расходились с его идеями, с чем, кстати, согласен И.Е. Суриков (см. выше). Правильнее было бы, на наш взгляд, рассматривать Фемистокла как изначально самостоятельного политика.

Итак, будучи архонтом, в 493 г. Фемистокл начал работы по укреплению Пирея (Thuc. I. 93. 3; Paus. I. 1. 2)¹⁴. Афинским портом на южном побережье Аттики издавна был Фалер, так как именно в этом месте море ближе всего подходило к городу (Paus. I. 1. 2). Гавань была довольно мала (Diod. XI. 41. 2), но до поры до времени афиняне вполне довольствовались ее возможностями. Западнее был расположен Пирей. Хотя путь в него из Афин был длиннее, но этот полуостров обладал значительными преимуществами над Фалером. Он имел не одну, а три гавани, к тому же отвесные скалы прекрасно защищали глубоководные заливы. Очевидно, что только Пирей мог быть лучшей базой для флота, способной вместить в своих бухтах самое большое количество судов и обеспечить их надежную защиту от непогоды и неприятеля. Вероятно, еще Гиппий хотел устроить здесь главный афинский порт: во всяком случае, в 511 г., по свидетельству Аристотеля (Ath. pol. 19. 2), он начал укреплять одну из гаваней Пирея – Мунихию, намереваясь даже туда переселиться, но пока шли работы, потерял власть.

Фемистокл теперь вновь взялся за это дело, понимая, что большой флот, который он намеревался построить, нуждался в соответствующих гаванях – в Фалере и Прасии попросту не хватило бы места для создания нормальной инфраструктуры. Впрочем, едва начавшись, эти работы были скоро приостановлены. Завершить их Фемистокл смог лишь в 70-е годы (Thuc. I. 93. 3–6; Diod. XI. 41. 2–3; Plut. Them. 19)¹⁵.

М.С. Куторга и С.Я. Лурье считают, что в год своего архонства Фемистокл добился также постройки триер¹⁶, однако флот не мог быть построен так рано – все источники (Herod. VII. 144; Aristot. Ath. pol. 22. 7; Plut. Them. 4) говорят, что строительство триер началось лишь в 483 г. Тем не менее вполне разумным будет предположить, что вместе с идеей о переносе главной гавани в Пирей Фемистокл мог уже тогда начать серьезные разговоры о необходимости строительства большого флота из триер, для которого Пирей служил бы прекрасной гаванью. К сожалению, убедить в этом сограждан ему не удалось, и более того, весьма скоро даже его программа по укреплению Пирея была признана нецелесообразной, и все работы прекратились. С чем же была связана неудача, постигшая Фемистокла?

В это время сильнейшей группировкой в Афинах были Алкмеониды¹⁷. Скорее всего, представители этого древнего знатного рода приняли в штыки морскую программу, могущую стать основанием для прихода к власти в будущем

¹⁴ Ф. Фрост считает, что укрепление Пирея в 493 г. вовсе не обязательно связывать с деятельностью самого Фемистокла, но это мероприятие могло быть инициировано лидерами Совета после подавления Ионийского восстания (Frost F.J. Themistocles' Place in Athenian Politics. P. 115). Однако источники говорят о непосредственном отношении Фемистокла к строительству нового порта, относя его начало к 493 г. Вообще участие Фемистокла в данном предприятии кажется настолько органичным, что его можно было бы предположить даже при отсутствии прямых указаний об этом в источниках, учитывая последующий ход событий.

¹⁵ Еще в 480 г. главным афинским портом оставался Фалер (Herod. V. 85; VI. 116; Diod. XI. 41. 2).

¹⁶ Куторга. Персидские войны. С. 209; Лурье. История Греции. С. 253.

¹⁷ Суриков. Из истории... С. 179; он же. Политическая борьба... С. 126; Thomsen R. The Origin of Ostracism. Copenhagen, 1972. P. 129.

демократических элементов. Принимая также во внимание их стремление не осложнять отношений с персами (см. выше) и то, что чуть позже, в 80-е годы, к поражению этого рода в политической борьбе, вероятнее всего, приложил руку Фемистокл (об этом речь пойдет ниже), можно с большой долей вероятности предположить, что оппозиция Алкмеонидов стала одной из причин сворачивания Фемистоклом своей программы. Но, конечно, не единственной.

В 493 г., лишившись своих владений на Херсонесе Фракийском, в Афины прибыл Мильтиад (Herod. VI. 31–33; 41). Поскольку источники сохранили сведения о его ярко выраженных антиперсидских настроениях (Herod. IV. 137), в науке существует гипотеза о союзнических отношениях Фемистокла и Мильтиада, связанных общей целью – борьбой с Алкмеонидами¹⁸. Однако, как нам представляется, Мильтиад, так же, как и Алкмеониды, мог сыграть роковую роль в судьбе начатого строительства в Пирее. Плутарх сохранил свидетельство Стесимброта о том, что Фемистокл сумел провести морскую программу, добившись победы над Мильтиадом, который был против нее (Them. 4). Это сообщение на первый взгляд кажется анахронизмом, ведь известно, что Мильтиад умер еще в 489 г., за 6 лет до описываемых Плутархом событий (Herod. VI. 136; Nep. Milt. 7. 5–6). Тем не менее ряд соображений заставляет нас отнести к нему со всей серьезностью. Во-первых, тот же Плутарх рассказывает о беспокойстве, которое вызвала у Фемистокла слава Мильтиада после победы в Марафонском сражении (Them. 3). Может быть, в этом отразилась не только личная зависть человека, но и сожаление политика о росте могущества своего соперника. На мысль о расхождении их убеждений наводит то, что спустя несколько лет противником Фемистокла станет сын Мильтиада Кимон (Plut. Them. 20; Cim. 5; 16), унаследовавший политические взгляды своего отца. Во-вторых, Стесимброт написал сочинение «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле», современником которых был (Plut. Cim. 4; Athen. 13. 56), так что его свидетельство следует признать имеющим большую ценность. В этом вопросе мы полностью разделяем гипотезу Э. Грюина, считающего, что хронологическую путаницу в свой рассказ ввел сам Плутарх, который в контекст событий 483 г. включил свидетельство Стесимброта, относящееся к 493 г.¹⁹

Таким образом, можно предположить, что противодействие Мильтиада стало еще одной причиной неудачи Фемистокла, которую он потерпел в 493 г. Мильтиад, сам проводивший активную морскую политику (Herod. VI. 41; 104; 140; Diod. X. 19. 6; Nep. Milt. 1), не мог разойтись с Фемистоклом в этом вопросе. Корень их противоречий, вероятнее всего, лежал в том, что представитель одного из знатнейших греческих родов – Филаидов, прекрасно понимая к каким внутривнутриполитическим изменениям может привести реализация идей Фемистокла, конечно, не желал таких перемен²⁰ (для него, в отличие от Фемистокла, этот вопрос имел, очевидно, определяющее значение). Разумеется, как в случае с Алкмеонидами, так и в этом, играло свою роль и личное соперничество борющихся за власть политиков.

¹⁸ Суриков. Из истории... С. 180; он же. Политическая борьба... С. 127; Robinson C.A. The Struggle for Power at Athens in the Early Fifth Century // AJPh. 1939. Vol. 60. № 2. P. 234–235; Lenardon. The Archonship of Themistokles. S. 411, 418. Cp. Labarbe J. La loi navale de Themistocle. P., 1957. P. 86. Not. 2.

¹⁹ Gruen E.S. Stesimbrotus on Miltiades and Themistocles // CSCA. 1970. Vol. 3. P. 91–98.

²⁰ Ср. Холмогоров В.И. Греко-персидские войны // Древняя Греция. М., 1956. С. 177; Gruen. Stesimbrotus... P. 97; Williams G.M.E. Athenian Politics 508/7–480 B.C.: A Reappraisal // Athenaeum. Vol. 60. Fasc. 3–4. 1982. P. 532.

К этим субъективным моментам прибавлялось еще одно очень важное обстоятельство, которое мы уже отмечали, – чрезвычайная дороговизна предприятия, задуманного Фемистоклом. Можно предположить, что Фемистокл, избранный архонтом шокированными известием о разгроме ионийцев гражданами, сумел изыскать средства только на начало строительных работ в Пирее, намереваясь приступить к постройке триер чуть позже, когда в его распоряжении окажется необходимое количество денег. Но когда народ оправился от ужаса, когда была проведена соответствующая агитация противниками Фемистокла (которые, помимо прочего, надо думать, убедительно растолковали, на какие расходы вынуждено будет пойти государство и каждый гражданин лично, чтобы флот был построен), было решено отказаться от активных действий, но приступить к созданию такого гражданского ополчения, которое могло бы противодействовать персидскому войску и ограничиться сухопутной обороной Аттики в тесном союзе со спартанцами. В такой ситуации строительство нового порта оказалось попросту неактуальным.

Возможно, что Фемистокл не сдался без боя. Все в том же 493 г. была поставлена драма Фриниха «Взятие Милета», которая произвела такое большое впечатление на афинян, что они, будучи сильно расстроены напоминанием о печальных событиях, оштрафовали автора на 1000 драхм и запретили впредь ставить эту драму (Herod. VI. 21). Нам известно, что позже, в 477 г., Фемистокл был хорегом Фриниха (Plut. Them. 5). Учитывая это, многие исследователи считают, что Фемистокл, если и не был хорегом при постановке скандальной драмы, то вполне мог выступить инициатором такой постановки или по меньшей мере поддержать ее²¹. В самом деле, добившись первых успехов благодаря эмоциональному взрыву, Фемистокл, возможно, рассчитывал вернуть позиции, которые уже начал утрачивать, напомнив гражданам о персидской угрозе и вновь вызвав желание освободить поработанных соплеменников – ионийцев, опять надеясь добиться благоприятного для себя исхода, сыграв на чувствах людей; но попытка оказалась неудачной. Впрочем, нужно признать, что эта реконструкция событий, хотя и вполне правдоподобна, но основана только на косвенных данных и общих соображениях.

Фемистокл сражался вместе со своими согражданами в 490 г. при Маратоне (Plut. Arist. 5). Победа в этой битве сделала менее весомыми ряд его аргументов. Персы были разбиты благодаря традиционной греческой тактике в сухопутном бою, причем главная заслуга в этом принадлежала Мильтиаду – его оппоненту. Все были убеждены, что теперь персы оставят мысли о вторжении в Аттику. Фемистоклу приходилось доказывать, что главная борьба еще впереди (Plut. Them. 3). Впрочем, скоро стали поступать сведения о грандиозных приготовлениях Дария к новому походу (Herod. VII. 1 sqq.; 20; Thuc. I. 14. 3; Plat. Leg. III. 698 e; Diod. XI. 1–2). Но в ситуации, когда афиняне убедились в возможности одолеть персов на суше, трудно было внушить им мысль о необходимости перенесения войны на море, тем более, что противники морской программы из числа стоявших у власти в тот момент, конечно, вели контрпропаганду.

²¹ Лурье. История Греции. С. 249; Суриков. Из истории... С. 180; он же. Политическая борьба... С. 126–127; Forrest W.G. Themistokles and Argos // CIQ. 1960. Vol. 10. № 2. P. 235; Gruen. Stesimbrotus... P. 97. Противоположная точка зрения представлена в работах: Frost. Themistocles' Place in Athenian Politics. P. 116; Williams. Athenian Politics... P. 530. Not. 440; Labarbe J. La loi navale de Themistocle. P. 86. Not. 1.

Однако на помощь Фемистоклу пришел случай – событие несоизмеримо меньшего масштаба, чем предстоящая война с персами, но тем не менее заставившее афинян вновь прислушаться к нему. В 489 г. умирает один из основных соперников Фемистокла – Мильтиад (Herod. VI. 136; Nep. Milt. 7. 5–6), а в следующем году начинается война с Эгиной.

Соперничество двух государств началось еще в VI в. (Herod. V. 85 sqq.) и, конечно, было связано с разногласиями в сфере морской политики, поскольку они разделены морем. Дело дошло до открытой конфронтации – эгинцы начали опустошать берега Аттики (Herod. V. 89), но вскоре, по-видимому, накал борьбы стих. Новый виток напряженности в отношениях двух государств был связан с тем, что Эгина признала власть персов. Афиняне всерьез стали опасаться, что остров может стать прекрасным плацдармом для персидской агрессии, и убедили Спарту оказать им содействие в нейтрализации этой угрозы. С этой целью спартанцы заставили эгинцев выдать им десять самых богатых и знатных граждан, которые в качестве заложников были отправлены в 491 г. в Афины (Herod. VI. 49–50; 73). Спустя два года эгинцы выступили в Спарте с ходатайством о возвращении заложников, которое было удовлетворено. Царь Леотихид лично отправился в Афины с требованием вернуть эгинских пленников, но получил отказ. Тогда эгинцы захватили афинский священный корабль и бросили в оковы всех знатных граждан, находившихся на нем (Herod. VI. 85–87). Началась война. Попытка афинян прийти на помощь поддерживавшей их партии, которая сумела захватить часть города, провалилась из-за недостатка боевых судов. Восстание было подавлено, и хотя афиняне потом добились ряда успехов в этой войне, но в конце концов небольшой аттический флот был разгромлен, четыре корабля были захвачены вместе с экипажем, и стратегическая инициатива перешла к Эгине (Herod. VI. 88–93; VII. 145).

Позволим себе высказать ряд соображений о том, почему этот, казалось бы, заурядный локальный конфликт, каких и ранее было много в истории Афин, возрос в глазах афинян до таких масштабов, что заставил их реформировать структуру своих вооруженных сил, отведя в ней военному флоту отныне первое место. Дело в том, что сложившееся положение можно было назвать близким к катастрофическому. Потеря причерноморских проливов практически свела на нет поставку понтийского хлеба. По всей видимости, афиняне вынуждены были переориентировать свои торговые пути в южном направлении, может быть, довольствуясь пока торговлей хлебом с Западом через посредничество Коринфа. Эгинцы теперь, скорее всего, перекрыли и этот путь. Перед взорами афинян, должно быть, все явственнее выростала угроза продовольственного кризиса. Без создания сильного флота нечего было и думать о победе. На решимости афинян принять, наконец, программу Фемистокла сказывалась и близость врага, и кажущаяся легкость победы над ним, в случае, разумеется, если триеры будут построены, и то, что потери, которые несли афиняне в результате неудач, постигших их в этой войне, сказывались очень быстро на каждом из жителей Аттики²². Всех этих факторов недоставало Фемистоклу ранее, когда он пытался убедить сограждан в необходимости наступательной, морской войны с Персидской державой.

²² О стремлении к независимости в снабжении города зерном как об одном из факторов, повлиявших на принятие афинянами морской программы Фемистокла, см. *Quéyrel A. Athènes. La cite archaïque et classique du VIII-e siècle à la fin du V-e siècle*. P. 2003. P. 86.

Вне всякого сомнения, с началом Эгинской войны Фемистокл усилил агитацию за строительство флота. Никаких данных о его деятельности в эти годы традиция не сохранила. Тем не менее можно высказать ряд предположений. В 487 г. была проведена реформа архонтата. На эту должность, прежде бывшую выборной, стали теперь избирать по жребию из числа намеченных предварительно демами пятисот кандидатов (Aristot. Ath. pol. 22. 5). Эта реформа была направлена против аристократических сегментов конституции Афин, значит, укладывалась в парадигму деятельности Фемистокла, поэтому не без оснований большинство ученых считает, что именно он был ее инициатором²³. К этим выводам мы могли бы прибавить еще одно соображение. Аристотель весьма красочно рассказывает о совместных действиях Фемистокла и Эфиальта, направленных на лишение ареопага реальной власти (Ath. pol. 25). Широко известно, что Эфиальт провел данную реформу в 462 г., когда Фемистокл давно уже находился вне Греции. Поэтому вся эта история является не более чем анекдотом, но, возможно, он возник не на пустом месте, ведь снижение авторитета архонтов ударяло и по ареопагу, поскольку из бывших архонтов он кооптировался. И если предположить, что преобразования 487 г. были делом рук Фемистокла, то представляется вполне вероятным, что в сознании древних падение могущества ареопага связывалось не только с тем, кто, собственно, это могущество уничтожил, т.е. с Эфиальтом, но и с его предшественником Фемистоклом, нанесшим первый удар по авторитету древнего органа власти. Отсюда и могла родиться легенда об их совместных действиях.

Итак, ослабив авторитет высшей государственной должности, которую сам Фемистокл вторично занять уже не мог и которую, очевидно, ранее широко использовали враги для его дискредитации, он повел решительную борьбу со своими противниками. В 487 г. остракизмом был изгнан Гиппарх, сын Харма, один из родственников Писистрата, в последующие годы – Алкмеониды Мегакл и Ксантипп, некоторые другие (Aristot. Ath. pol. 22. 4–6)²⁴. О причинах их изгнания никаких данных нет, но многие ученые связывают эту беспрецедентную серию остракофорий с борьбой вокруг программы Фемистокла, из которой последний вышел победителем. Кое-кто исключает из этого ряда Гиппарха, ведь он мог быть скомпрометирован появлением бывшего тирана Гиппия в персидском войске при Марафоне (Herod. VI. 107–108), и в его изгнании были заинтересованы почти все²⁵. Такое предположение весьма резонно – трудно представить, что

²³ Пельман. Очерк греческой истории... С. 126; Колобова К.М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 81–82; Строецкий В.М. Внутриполитическая борьба в Афинах в период Греко-персидских войн (Фемистокл и Аристид) // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989. С. 45; *Robinson. The Struggle for Power...* P. 237; *Burn A.R. Persia and the Greeks.* L., 1962. P. 284–285. Некоторые исследователи более осторожны: они думают, что здесь рискованны любые предположения, поскольку состояние наших источников не дает возможности утверждать что-либо об этом с полной уверенностью (Бузескул В.П. История афинской демократии. СПб., 2009. С. 104; *Williams. Athenian Politics...* P. 538–539. Последний, правда, замечает, что в принципе, подобного рода реформу вполне мог бы провести Фемистокл). Ю. Белох приписывает данное нововведение Аристиду (История Греции / Пер. М. Гершензона. Т. 1. М., 2005. С. 220).

²⁴ Суриков. Политическая борьба... С. 127–128.

²⁵ Пельман. Очерк греческой истории... С. 126; Лурье. История Греции. С. 258; Суриков. Из истории... С. 180–181; он же. Политическая борьба... С. 127–128; *Robinson. The Struggle for Power...* P. 236; *Lenardon. The Archonship of Themistokles.* S. 419; *idem. The Saga of Themistocles.* P. 47; *Williams. Athenian Politics...* P. 539.

Фемистокл оставался безучастным в той борьбе, которая вызвала этот ряд изгнаний. Более того, ряд острака этого времени, извлеченные из земли современными археологами, содержат имя Фемистокла²⁶, так что не приходится сомневаться в том, что он был одной из фигур в этой политической схватке. Уже с 483 г. Фемистокл станет единоличным лидером Афинского государства, поэтому мы с полным основанием можем присоединиться к мнению большинства исследователей о том, что остракизмы 80-х годов явились следствием разгрома Фемистоклом своих оппонентов в долгой и непростой борьбе.

Ее заключительным и самым сложным этапом стало противостояние с Аристидом. Источники сообщают о длительной и принципиальной борьбе этих двух выдающихся государственных деятелей (Herod. VIII. 79; Plut. Them. 3–5; Arist. 2–3; 7). Большую роль в ней имело личное соперничество за влияние на ход государственных дел, но, разумеется, было бы неправильно исключать и фундаментальные различия в их взглядах на будущее родного государства. В 70-е годы Аристид сыграл ключевую роль в организации I Афинского морского союза, а значит, он не был против усиления морского могущества Афин в принципе. Как уже давно предположили ученые, Аристид выступил против программы Фемистокла, так как понимал, что ее реализация приведет к усилению радикально-демократических тенденций в государстве, чего первый не желал принимать²⁷. Его же соперник, как уже отмечалось, вовсе не был против такого поворота событий.

За каждым из них стояли мощные политические группировки. Автору морской программы, вероятно, пришлось полностью использовать весь свой опыт борьбы, накопленный в предыдущие годы. Фемистокл проявил большую изобретательность в методах завоевания общественной поддержки, поскольку за короткое время, по словам Плутарха, «прозвище Справедливого, вначале доставлявшее Аристиду любовь афинян, позже обратилось в источник ненависти к нему, главным образом потому, что Фемистокл распространял слухи, будто Аристид, разбирая и решая все дела сам, упразднил суды и незаметно для сограждан сделался единовластным правителем...» (Arist. 7; пер. С.П. Маркиша). Конкуренты Фемистокла также не дремали. В 1937 г. в Афинах были найдены 191 острака с именем Фемистокла, причем они надписаны всего 14 почерками. Почти наверняка мы имеем здесь результат работы враждебной ему гетерии, подготовившей голоса для неграмотных или тех, кто уже определился с решением изгнать Фемистокла. Все эти черепки датируются концом 80-х годов V в.²⁸ Скорее всего, их можно связать с борьбой Фемистокла с Аристидом, в которой, как мы видим, Фемистокл вполне мог потерпеть поражение. И все же ситуация складывалась в его пользу, о чем мы уже говорили, и ему удалось одолеть своего самого грозного соперника – в 483 г. Аристид был изгнан остракизмом (Aristot. Ath. pol. 22. 7–8; Plut. Them. 11; Arist. 7).

Теперь, когда у Фемистокла не осталось соперников, способных оказать серьезное сопротивление его программе, можно было переходить к строительству

²⁶ Frost. Themistocles' Place in Athenian Politics. P. 124; Lenardon. The Saga of Themistocles. P. 48–49.

²⁷ Белох. История Греции. С. 221; Пельман. Очерк греческой истории... С. 126; Холмогоров. Греко-персидские войны. С. 186.

²⁸ Broneer O. Excavation on the North Slope of the Akropolis, 1937 // Hesperia. 1938. Vol. 7. № 2. P. 228 ff.; Meiggs R., Lewis D.A. Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1969. P. 40–47; Camp J. Mck. II, Buitron-Oliver D. Η ΓΕΝΝΗΣΗ ΤΗΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ. Κατάλογος έκθεσης 9. 03–9. 05. 1993. Αθήνα, 1993. Σ. 56–58.

ву триер. Но нужно было решить еще одну проблему – найти деньги для постройки флота. И вновь на помощь Фемистоклу приходит случай. Были открыты рудники, которые сразу дали доход в 100 талантов. В античной традиции говорится, что деньги на строительство кораблей доставили Лаврийские рудники (Herod. VII. 144; Plut. Them. 4; Liban. Declam. 9. 38), и только Аристотель сообщает, что средства пришли от открытых в 483 г. залежей в Маронее (Ath. pol. 22. 7). Из всех наших источников рассказ Аристотеля о реализации морской программы самый подробный, поэтому едва ли можно противопоставлять его традиции, скорее он ее дополняет. Аристотель, по всей видимости, указывает точное местечко в Лаврионе, где была обнаружена новая жила²⁹.

Итак, большая часть необходимых для постройки кораблей средств, которые поначалу, возможно, предполагалось собрать с граждан, пришла совершенно неожиданно. Финансовая сторона вопроса была решена без серьезной нагрузки на бюджет афинян, и это явилось последним аргументом, который убедил их начать наконец строительство триер³⁰.

Решение о создании сильного флота было вызвано в первую очередь необходимостью добиться перевеса в войне с эгинцами, по крайней мере такова была официальная цель предприятия (Herod. VII. 144; Thuc. I. 14. 3; Plut. Them. 4; Polyae. I. 30. 6)³¹. Но Фемистокл смотрел гораздо дальше. По свидетельству Плутарха, он лишь использовал гнев граждан против Эгины для подготовки войны с Персией (Plut. Them. 4). Но и победа над персами не была пределом мечтаний Фемистокла. Когда корабли уже были построены, как передает тот же Плутарх, «понемногу он начал увлекать граждан к морю, указывая им, что на суше они не в состоянии померяться силами даже с соседями, а при помощи сильного флота могут не только отразить варваров, но и властвовать над Элладой» (Them. 4; пер. С.И. Соболевского). Вот к чему на самом деле стремился Фемистокл, и доказательством слов Плутарха служит вся последующая деятельность создателя афинского флота.

Рассказ о том, каким образом была организована техническая сторона постройки кораблей, мы находим только у Аристотеля³², который сообщает, что в 483 г. афиняне получили прибыль в сто талантов от открытых рудников в Маронее. Фемистокл предложил дать эти деньги в долг ста богатейшим гражданам, по одному таланту каждому, и затем, если их расходование будет одобрено, долг простить, в противном же случае взыскать его. «Получив деньги на таких условиях, он распорядился (κέλεῖσθαι) построить сто триер, причём каждый из этих ста человек строил одну. Это и были те триеры, на которых афиняне сражались при Саламине против варваров» (Ath. pol. 22. 7; пер. С.И. Радцига).

Р. Пельман считает, что это изложение «содержит в себе нечто совсем невероятное и анекдотическое в стиле Эфора...»³³. С такой точкой зрения невоз-

²⁹ Строецкий В.М. Морская программа Фемистокла и возникновение триерархии // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 72; Lenardon. The Saga of Themistocles. P. 53–54. Ср. Labarbe. La loi navale de Thémistocle. P. 42.

³⁰ Трудно точно сказать, какое из событий – открытие новых рудников или остракизм Аристида – произошло раньше. Аристотель датирует их одним годом. Если первое предшествовало второму, то следует констатировать, что одолеть своего самого опасного противника Фемистоклу также помог случай.

³¹ Интересно, что против Эгины триеры Фемистокла так и не нашли применения (Herod. VII. 144).

³² Его почти дословно цитирует Полиэн (I. 30. 6).

³³ Пельман. Очерк греческой истории... С. 127.

можно согласиться. Конечно, трудно представить, что афиняне могли доверить, пусть даже и самому влиятельному на тот момент из своих лидеров, такую огромную сумму, совершенно не зная, на что она будет потрачена. С другой стороны, вряд ли можно ожидать, что богатые граждане, которых Фемистокл предполагал задействовать в данном деле, даже если он и посвятил их предварительно в свои планы, с легкостью согласились с такими условиями, которые не сулили им ничего, кроме беспокойства о том, как бы в итоге не лишиться весьма внушительной части своих средств. Разумеется, каждому было известно, на что пойдут эти 100 талантов, а что касается исполнителей решения народа, то здесь мы полностью согласны с мнением, высказанным еще В.П. Бузескулом: рассказ Аристотеля имеет под собой реальный факт, а именно, что постройка триер была возложена на наиболее состоятельных граждан в виде литургии, причем каждому было выделено на это по таланту, и в случае удовлетворительного исполнения корабль принимался, а в обратном случае требовалось вернуть деньги³⁴.

Таким образом, Фемистокл стал основателем института триерархии³⁵. По нашему мнению, это нововведение имело неоспоримые преимущества. Ведь существовавшая прежде система навкрарий (функции которой были в конце VI в. переданы демам, но суть ее от этого не изменилась), при которой за морское дело отвечали территориальные подразделения, не могла быть надежной базой для быстрого строительства самых современных судов. Чтобы флот был построен в максимально сжатые сроки, проще всего было назначить конкретных лиц, каждое из которых несло бы ответственность за доверенное лично ему дело.

В этой связи возникает вопрос, какими полномочиями обладал Фемистокл во время реализации своей программы. Об этом нам ничего не известно. Как полагают некоторые ученые, он, предлагая ее народу, вполне мог быть частным лицом, но мог и занимать какую-либо должность, например, быть членом Совета. По крайней мере, как бывший архонт, он был ареопагитом³⁶. Глагол κελεύω, который употребляет Аристотель, говоря об отношении Фемистокла к богатым гражданам, которые строили триеры, заставляет думать, что он имел право отдавать им подобные приказания. Может быть, он получил какие-то экстраординарные полномочия для руководства таким важным делом? Но известно также, что в дальнейшей афинской практике триерархи подчинялись стратегам (Aristot. Ath. pol. 61. 1), так что не лишено некоторых оснований и мнение В.М. Строецкого, утверждающего, что после победы над Аристидом Фемистокл стал стратегом-автократором³⁷.

По поводу количества построенных Фемистоклом триер в традиции существуют расхождения. Мы имеем две версии – Геродота и Аристотеля. Первый сообщает, что Фемистокл убедил афинян построить двести кораблей (VII. 144). Говоря о флоте афинян, задействованном в сражении при Артемисии в 480 г., Геродот указывает, что 20 судов они предоставили халкидянам, сами же выставили 127 кораблей, а позже подошли еще 53 (VIII. 1; 14), т.е. в сумме получается вновь двести. Чуть позже, при Саламине, афинский флот насчитывал 180 триер, но там присутствовали халкидяне с теми 20 судами, которые они получили от

³⁴ Бузескул. История... С. 104.

³⁵ Строецкий. Морская программа... С. 80.

³⁶ Lenardon. The Archonship of Themistokles. S. 408; Jordan B. The Athenian Navy in the Classical Period. Berkeley, 1975. P. 18.

³⁷ Строецкий. Внутриполитическая борьба... С. 49. Ср. Lenardon. The Saga of Themistocles. P. 55.

Афин (Herod. VIII. 44; 46). Наконец, рассказывая о совещании греческих военачальников накануне Саламинского сражения, Геродот приводит слова Фемистокла, который, между прочим, напоминает, что афиняне снарядили 200 кораблей (VIII. 61; ср. Plut. Them. 11). Мы должны исключить невнимательность Геродота к этому вопросу – несколько раз он на нем останавливается, и цифра 200 присутствует неизменно. Значит, он был твердо убежден в том, что итогом морской программы Фемистокла стало строительство 200 триер. Именно о таком числе кораблей говорит также Корнелий Непот (Them. 3. 2).

Другая цифра присутствует в приведенном нами выше пассаже Аристотеля. Он определяет ее в 100 триер (Ath. pol. 22. 7). Его версию передают Плутарх (Them. 4)³⁸ и Полиэн (I. 30. 6). Нам представляется, что рассказ Аристотеля о создании афинского флота отличается общим стремлением данного автора к конкретизации. Возможно, именно 100 кораблей и было решено построить в 483 г., когда была принята морская программа Фемистокла. Может быть, тогда считали, что их будет достаточно для победы над эгинцами. Но в связи с поступлением все новых и новых сведений о серьезнейшей подготовке персов к вторжению в Грецию, афиняне, руководимые Фемистоклом, сумели изыскать средства, вероятно, из тех же рудников на строительство дополнительного количества кораблей³⁹, уже имея в виду необходимость подготовки к новой войне. А поскольку это второе решение не было таким эпохальным, как первое, – оно скорее его дополняло, то Геродот не счел нужным о нем упомянуть, указав общее количество построенных Фемистоклом кораблей. Аристотеля же это последнее не интересовало – он больше занят проблемой организации процесса строительства. Рассказав же о нем весьма подробно, он перешел к другим вопросам, не сказав о том, что чуть позже были еще построены корабли.

Как бы то ни было, Геродот здесь заслуживает, конечно, большего доверия, чем любой другой писатель, поскольку он наиболее близок к описываемым событиям и поскольку он специально исследовал этот вопрос. Поэтому, на наш взгляд, следует принять цифру Геродота, отметив, что Аристотель, возможно, не противоречит ей, но, останавливаясь на интересующих его деталях, дает нам основание предполагать, что 200 триер было решено строить не сразу, на собрании во время обсуждения законопроекта Фемистокла, но такое количество боевых судов явилось общим итогом его деятельности в 483–480 гг. (ср. Herod. VIII. 144)⁴⁰.

Дополнительным аргументом, подтверждающим верность свидетельства Геродота о числе построенных в Афинах к 480 г. триер, служит знаменитый декрет Фемистокла, обнаруженный в 1959 г. в Трезене и опубликованный в следующем году М. Джеймсоном⁴¹. Ввиду особой важности затрагиваемых в этом документе сюжетов и существенных корректив, которые, принимая его в расчет⁴²,

³⁸ Впрочем, называя число аттических кораблей, находившихся у Саламина, он повторяет цифру Геродота – 180 (Plut. Them. 14). Особняком стоят свидетельства Исократ (IV. 90) и Диодора (IX. 12. 4). Первый говорит о 60, а второй – о 140 афинских кораблях.

³⁹ Нужно иметь в виду, что какое-то число триер Афины имели еще до 483 г.

⁴⁰ Эта цифра кажется убедительной Э. Подлецки и Р. Ленардону (Podlecki A.J. The Life of Themistocles. A Critical Survey of the Literary and Archaeological Evidence. Montreal–London, 1975. P. 201–202; Lenardon. The Saga of Themistocles. P. 54). Напротив, М. Эмит говорит о ста судах (Amit M. Athens and the Sea. A Study in Athenian Sea-Power. Bruxelles, 1965. P. 20–21).

⁴¹ Jameson M.H. A Decree of Themistokles from Troizen // Hesperia. 1960. Vol. 29. № 2. P. 198–223.

⁴² Что, надо сказать, делают далеко не все, но об этом речь впереди.

приходится вносить в традиционную трактовку событий 480 г., он сразу стал предметом пристального внимания ученых, породив обширную литературу.

Необходимо сразу оговориться, что мы имеем перед собой не подлинный текст постановления 480 г., но его копию. Нашедший и опубликовавший надпись М. Джеймсон по ряду эпиграфических и иных признаков датировал ее второй половиной IV в.⁴³ Однако при более внимательном изучении надписи, стало очевидно, что она была изготовлена в III в. – такой датировки теперь придерживаются все ученые⁴⁴. В этой связи закономерно возникает вопрос, аутентичен ли наш текст той псефисме, которая была принята афинянами в 480 г. Эта чрезвычайно сложная проблема разделила историков античности на два приблизительно равных лагеря. Одни убеждены в том, что Трезенский декрет в общем верно передает содержание подлинного декрета Фемистокла⁴⁵; другие полагают, что мы имеем дело с подделкой, сфабрикованной в Афинах во второй половине IV в., когда при подготовке войны с Филиппом Македонским некоторые политики пытались с помощью этой акции воскресить в памяти людей героические времена и придать им больше решимости в борьбе за свободу Эллады⁴⁶.

Декрет был известен в древности. Демосфен сообщает, что его читал в афинской экклесии Эсхин (XIX. 303; 311)⁴⁷. Аллюзии на него часто встречаются в античной литературе (Herod. VII. 144; Thuc. I. 18. 2; 74; Isocr. XV. 233; Demosth.

⁴³ Jameson. A Decree of Themistokles... P. 206; *idem*. How Themistocles Planned the Battle of Salamis // Scientific American. 1961. Vol. 204. № 3. P. 113; *idem*. Waiting for the Barbarian // Greece and Rome. 1961. Vol. 8. № 1. P. 17.

⁴⁴ Глушкина Л.М. Трезенская надпись с декретом Фемистокла // ВДИ. 1963. № 4. С. 37; Daux G. Chronique des fouilles 1959 // BCH. 1960. T. 84. № 2. P. 685–688; Berve H. Zur Themistokles-Inschrift von Troizen // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. München, 1961. № 3. S. 3; Habicht C. Falsche Urkunden zur Geschichte Athens im Zeitalter der Perserkriege // Hermes. 1961. Bd 89. № 1. S. 1–3; Lewis D.W. Notes on the Decree of Themistocles // CIQ. 1961. Vol. 11. № 1. P. 61; Dow S. The Purported Decree of Themistokles: Stele and Inscription // AJA. 1962. Vol. 66. № 4. P. 355, 367–368; Meritt B.D. Greek Inscriptions // Hesperia. 1964. Vol 33. № 2. P. 176–177; *idem*. Greek Historical Studies // Lectures in Memory of Louise Taft Semple. Princeton, 1967. P. 121; Chambers M. The Significance of the Themistocles Decree // Philologus. Bd 111. Hf 3–4. 1967. S. 166 и др.

⁴⁵ Глушкина. Трезенская надпись... С. 45–51; Тревес П. Проблема политического равновесия в классической античности. М., 1970. С. 6; Jameson. A Decree of Themistokles... P. 204–205, 222–223; *idem*. Waiting for the Barbarian. P. 16–17; Berve. Zur Themistokles-Inschrift... S. 1–50; Lewis. Notes on the Decree of Themistocles. P. 61–66; Conomis. A Decree of Themistocles from Troezen (a Note) // Klio. 1962. Bd 40. S. 49–50; Treu M. Zur neuen Themistokles-Inschrift // Historia. 1963. Bd 12. Hf 1. S. 47–69; Meritt. Greek Historical Studies. P. 121; Morrison J.S., Williams R.T. Greek Oared Ships. Cambr., 1968. P. 122–123.

⁴⁶ Daux. Chronique des fouilles... 1959. P. 685–688; Moretti L. Nota al decreto di Temistocle trovato a Trezene // Rivista di Filologia e di Istruzione Classica. 1960. Vol. 38. № 4. P. 390–402; Amandry P. Thémistocle: un Decret et un Portrait // Bulletin de la Faculté des Lettres de Strasbourg. 1961. T. 38. № 8. P. 413–435; Guarducci M. Nuove Osservazioni sul «Decreto di Temistocle» // Rivista di Filologia e di Istruzione Classica. 1961. Vol. 39. № 1. P. 48–78; Habicht. Falsche Urkunden... S. 1–35; Wüst F.R. A Decree of Themistokles from Troizen // Gymnasium. 1961. Bd 68. Hf 3–4. S. 233–239; Chambers M. The Authenticity of the Themistocles Decree // AHR. 1962. Vol. 67. № 2. P. 306–316; *idem*. The Significance of the Themistocles Decree. S. 157–169; Pritchett W.K. Herodotus and the Themistokles Decree // AJA. 1962. Vol. 66. № 1. P. 43–47; Hignett. C. Xerxes' invasion of Greece. Oxf., 1963. P. 459–462; Amit. Athens and the Sea... P. 21; Podlecki. The Life of Themistocles... P. 148–167; Lenardon. The Saga of Themistocles. P. 70–72.

⁴⁷ Именно Эхина некоторые из скептиков считают автором фальшивки (Moretti. Nota al decreto di Temistocle... P. 402; Habicht. Falsche Urkunden... S. 14, 26, 29–31).

XVIII. 204; XIX. 303; Cic. De offic. III. 49; ad Att. VII. 11. 3; Quint. Inst. IX. 2. 92; Nep. Them. 2, 7–8; Plut. Them. 10; Cim. 5; Pomp. 63; Ages. et Pomp. comp. 4; Moral. 205 C; Liban. Declam. IX. 38), но только на первые 18 строк надписи. Так что некоторые из тех, кто отрицает аутентичность декрета в целом, полагают, что эти 18 строк могли быть подлинными, и на их основе была изготовлена подделка⁴⁸.

Мы не видим необходимости вдаваться в эпиграфические и филологические тонкости, с помощью которых пытаются доказать, что такой декрет не мог появиться в начале V столетия, так как эти вопросы неоднократно рассматривались в исследовательской литературе. Достаточно сказать, что в работах защитников его подлинности (см. прим. 45), приведены вполне убедительные контраргументы на каждый из доводов негативно настроенных исследователей. Учитывая это, примыкающий к последнему направлению М. Чамберс, хотя и останавливается практически на всех спорных моментах, признает все же, что действительная проверка аутентичности надписи не может быть проведена посредством филологического и технического изучения декрета⁴⁹.

Самым главным аргументом противников его подлинности является расхождение текста надписи с рассказом Геродота об эвакуации афинян. Из нашей псефисмы ясно, что данное решение было принято до Артемисия и Фермопил (ML, № 23, сткк. 40–44); Геродот же рисует картину оставления Афин после ухода греческого ополчения, возглавляемого спартанцами, из Беотии (VIII. 40–41). М. Джеймсон полагает, что предпочтение здесь следует отдать Трезенской надписи, поскольку Геродот черпал информацию в Афинах в период напряженности афино-спартанских отношений, когда там выгодно было думать, что граждан заставили эвакуироваться лакедемоняне своим бездействием⁵⁰. Это мнение полностью разделяет Л.М. Глушкина, которая прибавляет, что Геродот отрицательно относился также к Фемистоклу, усвоив враждебную ему традицию. Так, он лишает его инициативы в Саламинском сражении, приписывая ее Мнесифилу (VIII. 57–63), выставляет его плутом и обманщиком (VIII. 108–110), охотно повторяет рассказы о его корыстолюбии (VIII. 4–5; 111–112). Поэтому, вполне возможно, что, поскольку Фемистокл во время работы Геродота над своим произведением считался в Афинах государственным преступником, положительной информации о нем историк попросту мог и не иметь, т.е. Геродот вообще мог не видеть этого декрета⁵¹.

Однако существуют определенные доводы в пользу того, что Геродот все-таки был с ним знаком. М. Джеймсон вполне справедливо указал на то, что фраза Геродота в том пассаже, где он говорит о решении афинян сражаться с персами на море (принятом, кстати, как сообщает греческий историк, по совету Фемистокла и до Артемисия), предполагает использование им декрета в качестве источника⁵². Геродот пишет: «И вот афиняне, обсудив ответ оракула, решили (Ἐδοξε τε σφι μετὰ τὸ χρηστήριον) по совету бога встретить всей своей военной мощью на море нападение варваров на Элладу вместе с эллинскими городами, которые пожелали к ним присоединиться (ἄμα Ἑλληνῶν τοῖσι βουλομένοισι)

⁴⁸ Chambers. The Authenticity of the Themistocles Decree. P. 316; Hignett. Xerxes' invasion... P. 467.

⁴⁹ Chambers. The Significance of the Themistocles Decree. S. 160.

⁵⁰ Jameson. A Decree of Themistokles... P. 204–205; *idem*. How Themistocles Planned the Battle of Salamis. P. 120; *idem*. Waiting for the Barbarian. P. 15–16.

⁵¹ Глушкина. Трезенская надпись... С. 46–47.

⁵² Jameson. Waiting for the Barbarian. P. 15.

(VII. 144; пер. Г.А. Стратановского). Приведенные нами в подлиннике фразы полностью соответствуют сткк. 2 и 17–18 декрета, принятом, судя по всему, как раз при описываемых Геродотом обстоятельствах.

В этой связи нам представляется весьма плодотворной попытка примирить между собой свидетельства Геродота и нашей надписи. Между возвращением греческого флота от Артемисия и прибытием персидской эскадры в Фалер прошло не намного больше недели (Herod. VIII. 23–25; 66). Трудно предположить, что за столь краткий срок афиняне могли провести такую масштабную акцию, как эвакуация всех жителей, частного и государственного имущества и т.д., если они не были заранее к этому подготовлены. Разумеется, афиняне до самого конца надеялись, что пойти на такую крайнюю меру им, может быть, и не придется. Поэтому они оставались в городе до того момента, когда стало очевидно, что спасти Аттику не удастся.

Итак, по всей видимости, еще до событий при Артемисии под воздействием дальновидного Фемистокла было принято принципиальное решение об эвакуации. Вероятно, что в заключительной несохранившейся части постановления говорилось о том, что о сроке вступления его в силу будет объявлено через глашатаев. О таком объявлении как раз и повествует Геродот, не выразившийся ясно о предварительном решении, желая, видимо, особо подчеркнуть то, что Спарта не оправдала надежд афинян⁵³.

Высказанные нами предположения могли бы выглядеть чистой спекуляцией, если бы мы не имели подтверждения им в античной традиции. Корнелий Непот (возможно, используя Эфора), пишет, что афиняне оставили свой город до Артемисия (Them. 2. 7–8). Это свидетельство уже прямо противоречит Геродоту, и принять его полностью нельзя, но возможно, что в его основе как раз и лежит информация, ставшая нам известной благодаря обнаруженному М. Джеймсоном документу, который мы, как уже, наверно, понятно, склонны считать аутентичной копией постановления 480 г.

Соответственно Трезенский декрет, как мы убеждены, является практически первоисточником по истории Греко-персидских войн, он дает нам ценные сведения в том числе о морской программе Фемистокла. Прежде всего, надпись полностью подтверждает данные Геродота о количестве афинских кораблей – незадолго до Артемисия их было 200 (ML, № 23, сткк. 12–14; 18–19; 31–33; 41–43).

Невозможно дать удовлетворительного объяснения предписанию создать 200 отрядов для триер, записав по 100 человек в каждый (сткк. 31–33)⁵⁴. Ведь известно, что экипаж афинской триеры при Саламине, равно как и в дальнейшем, состоял из 200 человек (Herod. VIII. 17). Может быть, речь здесь идет о минимальном количестве команды, которая обеспечивала возможность выхода триеры в море. Во всяком случае, такое явное противоречие всей имеющейся в наличии информации вряд ли имело бы смысл в составленном постфактум документе, что служит дополнительным аргументом в пользу подлинности декрета.

Надпись содержит очень ценные сведения о количестве афинской морской пехоты. Согласно постановлению, каждому кораблю придавалось по десять эпибатов и четыре лучника (сткк. 23–26). Именно такое число эпибатов было

⁵³ Ср. *Lazenby J.F. The Strategy of the Greeks in the Opening Campaign of the Persian War // Hermes. 1964. Bd 92. Hf 3. S. 264–284.*

⁵⁴ *Jameson M.H. A Revised Text of the Decree of Themistokles from Troizen // Hesperia. 1962. Vol. 31. № 3. P. 310–315; Meiggs, Lewis. Selection of Greek Historical Inscriptions... P. 51.*

характерно для афинского флота и в позднейшие времена (Thuc. III. 94–95). Некоторые ученые видят в этом доказательство подделки. По их мнению, ее изготовитель перенес на начало V в. обычную практику конца V–IV в., в то время как во времена персидской агрессии на кораблях находилось по меньшей мере по 40 пехотинцев (Herod. VI. 15)⁵⁵. Данная точка зрения совершенно неубедительна, поскольку отрицает возможность применения афинянами новой тактики морского боя уже в 480 г. Для обеспечения тактического превосходства в морском сражении необходимо было максимально облегчить триеру, чтобы добиться преимущества в быстротходности и маневренности. В конечном счете успех греческого флота (в своей основе афинского) в сражениях с персами был вызван тем, что афиняне смогли достичь превосходства по этим показателям (Herod. VIII. 42; Plut. Cim. 12), может быть, не в последнюю очередь, благодаря радикальному сокращению обычного числа пехотинцев на каждом корабле⁵⁶. В этом решении также, очевидно, сказался гений Фемистокла, и определенное им количество личного состава в отрядах морской пехоты стало традиционным благодаря максимальной эффективности боевого судна именно с такой численностью экипажа. Это стало очевидным после того, как афинский флот блестяще себя проявил в сражении при Саламине, победив в котором, он сделал проблему освобождения Греции вопросом времени. После же ухода персов из Эллады именно флот, созданный Фемистоклом, позволил Афинам стать во главе Делосской симмахии и со временем превратиться в морскую империю.

После победы над персами были сняты последние сомнения в необходимости для Афин обладания сильным флотом, но корабли сами по себе не являлись последней целью морской программы Фемистокла – она была очень хорошо продуманным комплексом мероприятий. Постройка кораблей и строительство порта для них были, хотя и важнейшими этапами ее осуществления, но далеко не единственными. Необходимо было создать сложную инфраструктуру, административную организацию управления флотом, чтобы добиться максимального эффекта от обладания таким большим количеством кораблей. Мы не знаем, какую роль во всем этом сыграл сам Фемистокл, но в высшей степени вероятно, что в годы борьбы за реализацию своих идей у него сложился стройный план организации морского дела в Афинах⁵⁷. Поэтому, говоря об афинском военном флоте V–IV вв., всегда нужно помнить о том, что, скорее всего, он стал таким, каким он нам известен, благодаря претворению афинянами в жизнь идей Фемистокла.

В заключение хотелось бы отметить: хотя морская программа Фемистокла стала важнейшим этапом афинской морской политики, но нельзя забывать и того, что Афины начали свой путь к будущему морскому могуществу уже давно, по крайней мере со времен Солона. Поэтому Фемистокла невозможно считать революционером-реформатором, направившим свое государство по какому-то совершенно новому пути – Афины шли по нему очень давно. Другое дело, что путь этот был не слишком явным и мало для кого очевидным, поскольку

⁵⁵ *Amandry. Themistocle... P. 421; Habicht. Falsche Urkunden... S. 5; Pritchett. Herodotos... P. 46.*

⁵⁶ Плутарх передает, что при Саламине на корабле было по восемнадцати палубных воинов: из них четверо были стрелками (Them. 14). Это небольшое расхождение с текстом декрета не должно нас смущать. С одной стороны, Плутарх мог и ошибиться. С другой стороны, не исключено, что, учитывая опыт сражения при Артемисии, афиняне решили несколько увеличить количество эпибатов на своих судах.

⁵⁷ *Ср. Jordan. The Athenian Navy... P. 20.*

находился в своей начальной стадии. Историческая заслуга Фемистокла в том, что он ясно осознал те блага, которые дает Афинам море, понял, что именно там заключено будущее государства и направил все силы своего таланта на то, чтобы Афины вошли в это будущее, имея самую лучшую базу для развития государства и общества.

И хотя судьба Фемистокла сложилась трагично (в 474 г. он был изгнан остракизмом), но впоследствии у себя на родине он получил должную оценку и заслужил славу человека, который «осыпал отечество счастьем» (Хер. Мемог. II. 6. 13). Фемистокла по праву можно назвать отцом I Афинского морского союза, поскольку флот, им построенный, обеспечил как создание, так и само существование этой организации.

THEMOSTOCLES' NAVAL BILL

V. V. Shuvalov

Beginning his political carrier, Themistocles had already conceived his programme aimed to make Athens the most powerful state of the region. This programme can justly be called naval, since its main instrument was the strongest navy in the Mediterranean (which was yet to be built).

Themistocles was far from being a convinced democrat, but his programme turned out to be deeply democratic. This was the main reason why it was opposed by the Alcmaeonids, Miltiades and Aristides. Their opposition, together with the expensiveness of triremes, was the main reason why Themistocles' struggle for his ideas took so much time. The circumstances that helped him to win were (1) the necessity to build a strong navy for the war against Aegina, which became especially sharp in the 480s, and (2) the opening of new mines in 483, which provided the necessary money.

Themistocles' naval programme was the most important step in Athenian sea policy. Its author realized the possibility (raised by Solon already) of transforming Athens into a sea power. This programme adopted, Athens immediately became the strongest sea power of Hellas, and thanks to this its might continued to grow in the following years.